

ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ

Наталья РОСТОВА

Доктор философских наук, старший преподаватель.
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова.

119991, Российская Федерация, Москва, Ломоносовский
пр-т, д. 27, к. 4;

e-mail: nnrostova@yandex.ru

С. ПИНКЕР О ПОСТИЖИМОМ И НЕПОСТИЖИМОМ В СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Каково соотношение сознания и мозга? Определяет ли мозг работу сознания? Или, напротив, сознание заставляет мозг приспособиться к своим задачам? Эти вопросы являются сегодня ключевыми как для философии сознания, так и для философской антропологии. В недавно переведённой на русский язык книге Стивена Пинкера «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать её сегодня» [12] представлена оригинальная концепция сущности человека. Прибегая к последним данным наук, прежде всего когнитивистики, нейронауки, поведенческой генетики и эволюционной психологии, Пинкер доказывает, что сущность человека заключена в мозге и его уникальном устройстве. Мозг определяет человеческую личность, поведение, наклонности и культуру в целом, которая мыслится как совокупность технологий. Говорить о том, что человек есть *tabula rasa*, по мнению Пинкера, абсурдно. Человек не автор себя и не предмет для манипуляций со стороны социальных инженеров. У человека есть биологическая природа, о которой не стоит бояться говорить. Пинкер уверяет нас, что его тезис не приведёт к расизму, сексизму, геноциду, нигилизму, терроризму и проч. Напротив, обращение к данным наук откроет перед нами общность людей как биологического вида, которая прячется за различиями «местечковых» культур. Однако позиция Пинкера уязвима, по крайней мере, в нескольких пунктах. Во-первых, от философского дискурса о человеке Пинкер переходит к научному, тем самым предлагая изначально

говорить о человеке в позитивистских терминах. Сознание он редуцирует к разуму, разум – к мозгу, а мозг – к вычислению. Во-вторых, культуру Пинкер мыслит как совокупность технологий, служащих биологической задаче адаптации. Однако он не может при этом объяснить избыточность человеческих технологий по отношению к требованиям природы. В-третьих, теории модулей, которую разделяет Пинкер, сегодня можно противопоставить теорию нейропластичности, согласно которой мозг способен к преобразованиям под воздействием сознания. Постигая сущность человека, Пинкер оставляет место и для непостижимого. Этим непостижимым оказывается свобода человека.

Ключевые слова: сознание, разум, мозг, сущность человека, пластичность мозга, гуманизм, эволюция, биоэтика, культура, восприятие

Философия XX века поставила под вопрос представление о сущности человека. «Человек – не то, что он есть», «у человека нет сущности», «существование предшествует сущности», «существование не определено сущностью, равно как и не определяет её» – начали манифестировать философы [6; 11; 14; 17]. Для религии ответ очевиден – человек создан по образу и подобию Божьему. В своей книге «Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать её сегодня» Стивен Пинкер решается оспорить оба подхода. Если религиозная идея оставляется им сразу же как не соответствующая реалиям сегодняшнего дня, то философская тенденция к отказу определять природу человека и рядом располагающиеся идеи социального конструктивизма составляют главную мишень для его критики. Человек – не тот, кто делает себя сам, равно как и не тот, кого производит социум. Он не чистый лист для антропологических и социальных начертаний, но биологическая данность. Свой подход Пинкер называет биологически просвещённым гуманизмом. Не стоит, говорит он, бояться разговора о природе человека. Следует разумно относиться к биологической предопределённости. «Тогда человек станет лучше, – цитирует он Чехова, – когда вы покажете ему, каков он есть» [12, с. 11]. Но не художники, а учёные, по мнению Пинкера, должны сегодня показать человеку его сущность. Представления о чистом листе – это вера для атеистов, отказавшихся от христианства. Встав на позиции науки, Пинкер начинает освобождать атеизм от суеверия.

Свою задачу он видит в том, чтобы навести мосты между разумом и материей, культурой и природой и, соответственно, между биологией и гуманитарными науками. Редукционизм, говорит Пинкер, как холестерин, бывает хорошим и плохим. «Плохой» редукционизм основан на замещении одной области знаний другой. «Хороший» редукционизм соединяет знания. «Географ, – пишет С. Пинкер, – может объяснить, почему береговая линия Африки совмещается с береговой линией Аме-

рики, тем, что некогда эти континенты были соединены, однако лежали на разных тектонических плитах и позже разошлись. Вопрос, почему плиты разошлись, переходит к геологам, а они расскажут нам о том, как магма поднялась и оттолкнула плиты друг от друга. А за ответом на вопрос, почему магма стала такой горячей, мы обратимся к физикам... Из этой цепи нельзя убрать ни одного звена. Географ сам по себе мог бы объяснить движение континентов разве что магией...» [12, с. 94–95]. По аналогии с этой схемой Пинкер видит развитие знаний о человеке. Философия, замкнутая на себя, превращается в область магических операций. От магии её спасает новейшая наука: когнитивистика, нейронауки, поведенческая генетика и эволюционная психология. Именно этим наукам, по мнению Пинкера, суждено сегодня биологически просветить гуманизм и проложить путь от «духа» к «материи».

Но науки не строят мосты между природой и человеком. Их изначальный позитивизм снимает проблему сознания и души, свободы и субъективности. Их сообщение между собой действительно можно уподобить взаимосвязям географии, геологии и физики. Но для этого нужно сперва отказаться от философии. Пинкер лишь перечисляет тезисы названных наук, строящиеся на редукции сознания к интеллекту, мышления – к вычислению, антропологической проблемы поведения – к биологической проблеме адаптации. Достижение наук позволяют Пинкеру сформировать свой символ веры: «Я думаю, – заключает он, – что у нас есть все основания считать, что разум оснащён набором эмоций, побуждений, способностей к мышлению и коммуникации и что в любой культуре они подчиняются общей логике, их трудно стереть или кардинально изменить, они сформированы естественным отбором на протяжении эволюции человека и обязаны своим базовым дизайном (и некоторыми его вариациями) информации, записанной в геноме» [12, с. 99]. Но редукции не дают основания. Они дают упрощения. Неравнодушный к классике Пинкер цитирует Гамлета:

Что за мастерское создание – человек!
Как благороден разумом!
Как беспределен в своих способностях...
Как он похож на некоего бога! [12, с. 247]

Для Шекспира человек – это божественная тайна. Для С. Пинкера человек – это тайна мозга. Именно его «невообразимое хитросплетение» заставляет трепетать и впадать в смирение. Вынесенное в заглавие одного из параграфов изречение «Познай себя» преобразуется у Пинкера в формулу «познай свой мозг», а свой мозг – как достижение эволюции. «Образованные люди, – пишет канадско-американский исследователь, – конечно же, знают, что восприятие, мышление, речь и эмоции таятся в мозге» [12, с. 61]. «Как все живые существа, мы – результат естественного отбора... Эволюция – ключ к пониманию себя» [12, с. 72]. Разум,

продолжает Пинкер, это «деятельность мозга по обработке данных... каждый аспект нашей интеллектуальной жизни полностью зависит от психических процессов в тканях мозга» [12, с. 61]. Душа – «локус сознания, мышления и воли – состоит из процессов обработки информации в мозге, органе, подчиняющемся законам биологии» [12, с. 279]. Если человек – это мозг, то отсутствие мозга или его повреждения позволяют нам логично заключить о том, что вместе с тем нет и человека. «Если отмирает участок мозговой ткани, – говорит Пинкер, – может исчезнуть часть разума: неврологические пациенты теряют способность называть инструменты, узнавать лица... И когда мозг умирает, личность прекращает своё существование» [12, с. 33]. Но С. Пинкер не думает, что биоэтические проблемы можно отныне с лёгкостью решить. Ведь мозг, уточняет он, это то, что как на уровне филогенеза, так и на уровне онтогенеза возникает постепенно и, соответственно, постепенно умирает. Аборт, эвтаназия, права животных – это нравственные ребусы. Но их можно решить, уверяет Пинкер. Не путём обнаружения границы, которой нет, а путём её выбора, как советует биоэтик Р. Грин. Найти границу невозможно, но её можно разумно выбрать. Пинкер советует руководствоваться при этом соображениями умножения счастья и минимизации страданий [12, с. 284].

Редукция проблемы человека к проблеме мозга позволяет С. Пинкеру поставить под сомнение «я» человека. Продолжая развивать теорию модулей [13], он уточняет – «мозг не похож на однородный мясной рулет», «разум – это система универсальных порождающих вычислительных модулей», а поведение – результат «внутренней борьбы между модулями психики» [12, с. 59]. А потому открытия науки, остроумно замечает Пинкер, ближе к фрейдизму или иудеохристианству с их раздвоенностями, чем бихевиоризму и социальному конструктивизму. Единство «я» – это иллюзия. Человек лишён таких «операторов», как «я», «субъект», «дух» или «личность». «Я» – «лишь одна из сетей в мозговых системах» [12, с. 61]. Но отсюда мы можем заключить лишь то, что и наличие мозга не позволяет нам говорить о личности. Теория С. Пинкера и вправду близка фрейдизму (но отнюдь не иудеохристианству с его свободой воли), ибо на место самости он помещает другого – силы эволюции.

Культура в такой парадигме неминуемо становится производной от биологии, или, как выражается исследователь, она является фенотипом: «культуру, – пишет он, – можно рассматривать как часть человеческого фенотипа: отличительная особенность, помогающая нам выживать, процветать и продолжать род. Люди – это общественный вид, использующий знания и склонный к сотрудничеству, так что культура возникает при таком образе жизни естественным образом» [12, с. 82]. Культура – это не область антропологического и даже не область социального, это торжество биологии, запустившей механизмы адаптации, а потому

она возникает «естественно». Культура, говорит С. Пинкер, не субстанция, она опирается «на нейронные связи, обеспечивающие нас даром, который мы называем научением» [12, с. 82]. Культура – это всего лишь набор технологий и навыков выживания, которые коллекционирует человечество и передаёт друг другу. И те культуры выигрывают, которые это понимают и при этом имеют наиболее благоприятные географические месторасположения, позволяющие общаться с другими культурами, как, например, Великобритания. Британия, говорит Пинкер, «на самом деле представляет собой коллекцию величайших изобретений... В этой коллекции – зерновые культуры и алфавитное письмо со Среднего Востока, порох и бумага из Китая, одомашненные лошади с Украины и многое другое» [12, с. 93]. Но если культура возникает естественно и смысл её исключительно в биологической адаптации, то каким образом можно объяснить, например, человеческий каприз, самоубийство или хотя бы написание Пинкером своей книги? Для объяснения патологического поведения автор вводит различие между проксимальными и ультимальными целями поведения, т. е. непосредственными и конечными. Пинкер приводит пример: на проксимальном уровне причина сексуальной связи – удовольствие, на ультимальном – размножение. Иногда, говорит Пинкер, желания человека разрушают его благополучие, но не стоит думать, что здесь происходит сбой в биологической программе и человек начинает идти против своей природы. Страсть к жене соседа, переедание, карьеризм, скандальность на уровне конкретного индивида неоправданны, но «имеют прозрачное эволюционное объяснение» [12, с. 76]. Другими словами, человек ведёт себя в соответствии с конечными целями эволюции. С. Пинкер избирательно приводит примеры и не разъясняет используемый им самим пример с сексуальной связью. Каким образом в эволюционных терминах можно объяснить уклонение человека от зачатия и преследование непосредственного удовольствия? Каким образом можно сочетать чрезмерность человека с идеей биологической адаптации? Даже если под культурой понимать сугубо технологии, то каким образом объяснить чрезмерность современных технологий, которые создаются отнюдь не для удовлетворения базовых потребностей?

К магии, вопреки Пинкеру, приходится прибегнуть не тогда, когда обнаруживается ограниченность собственных знаний, ибо условием знания является определённая онтология ума, задающая условия и правила интеллектуальных операций [9], но тогда, когда одна форма знания, отказав своим правилам, начинает претендовать на область иной формы знания. Например, когда наука решается говорить о невозможном на языке объективаций. Не избежал магических представлений и С. Пинкер. Вот, к примеру, как он описывает чудесное превращение физических восприятий в смыслы, а смыслы – в адаптационные механизмы: «При всей своей изысканной конструкции глаз бесполезен для моз-

га. Итог его работы – не бессмысленные узоры скринсейвера, а исходник для вычислительной схемы, по которой создаются достоверные образы внешнего мира. Эти образы используются другими сетями, которые придают смысл внешнему миру, соотнося причины со следствиями и размещая их по категориям, что позволяет делать полезные прогнозы. И это извлечение смыслов, в свою очередь, обслуживает мотивы – голод, страх, любовь, любопытство, погоню за страусом и уважение» [12, с. 73]. Пинкер отчего-то работу механизма инстинкта снабдил такими антропологическими избытками, как «смысл» и «уважение». Но для того, чтобы проглотить страуса, не нужно ни смысла, ни эмоций. Причины, следствия и прогнозы – это не смысл. Равно как голод и страх – не то же, что любопытство и любовь. Элементарная ориентировка животных в природе не нуждается в смысле. А человек нуждается. И проблема не в том, что ему необходимо адаптироваться к миру или утолить голод, а в том, что в отличие от животного он не может просто утолить голод. Прежде ему нужно связать тело и смысл. А для этого нужна мистерия. Как замечает натуралист Ю. Монич, ритуальная жизнь древнего ария предполагала три жертвоприношения в день и занимала всё время. Пища делилась на части в соответствии с космогоническими представлениями, но лишь малая доля приносилась богам, тогда как основная доставалась общине. Монич видит в таком распорядке дня «здоровое трёхразовое питание» [10, с. 310], т. е. удовлетворение инстинкта, ритуально обрамлённое. Но он, равно как и Пинкер, не может в биологических терминах объяснить, зачем человеку понадобилось ритуально обрамлять инстинкт. Почему человек нуждается в мистерии? Человек нуждается в мистерии, потому что он нуждается в смыслах, в том, чтобы удерживать свой хаос субъективности при порядке и своё тело – при субъективности. Мистерия – это не технология, равно как и не культура. Это способ непрерывного удерживания себя в смыслах. Но смыслы есть то, что противостоит биологии, а не то, что тождественно ориентировочной деятельности животного.

С. Пинкер в своей теории не оставляет возможности свободе, а значит, и человеку. Свободу он редуцирует к бесконечным возможностям комбинаторики конечных программ разума, оперирующих конечным набором данных. Вместе с тем Пинкер соглашается с учёными в том, что генетика позволяет прогнозировать темперамент и поведение человека: «насколько свободны в принятии решений “вы” на самом деле, – вопрошает Пинкер, – если результат можно (по крайней мере с определённой долей вероятности) предсказать заранее, основываясь на событиях, которые произошли в фаллопиевых трубах вашей матери за много лет до этого?» [12, с. 71–72]. Наряду с социальным конструктивизмом исследователь предсказуемо отрицает идею пластичности мозга [7]. Сенсационным фактам «самореорганизации мозга», восстановления после инсультов, обретения способности видеть слепыми от рождения

людьми и проч., которые приводят апологеты идеи нейропластичности, Пинкер противопоставляет собственные примеры ограничений человека и его здоровья, связанные с устройством мозга. То, что называется пластичностью мозга, является, говорит автор, не чем иным, как функцией научения, а потому речь идёт не о сенсациях, но о переименовании известных феноменов. Проблема, однако, заключается не в соревновании между примерами из клинической практики, которое не может ни к чему привести, а в борьбе концептов. На локальном уровне спор идёт о том, как устроен мозг. Является ли он механизмом с жёстко специализированными модулями, запрограммированными эволюцией на решение конкретных задач, как полагает в том числе Пинкер, или же он способен к преобразованиям под воздействием мыслей и действий, как полагает, например, психиатр Н. Дойдж [5]. На фундаментальном уровне разговор идёт о том, что же такое человек – определяет ли мозг его сознание или же, наоборот, сознание определяет его мозг, чем является тело – детерминирующим или детерминированным [1; 2; 3; 8; 15]. В философии наиболее радикально поставил эту проблему в России около ста лет назад П. Флоренский и разрешил её в концепте органопроекции [16]. Согласно Флоренскому, любой орган – это орудие духа. Тело – это не то, что противостоит душе, но её продолжение. Дух не только продолжает себя в теле, а тело в орудиях, но любая мысль, любое душевное и духовное явление прямо влияют на тело как на их символ. Нельзя сказать «я просто подумал», говорит Флоренский, ибо мысль небезвредна. Грязные мысли способны привести к разложению тела, болезням. Или, говорит Флоренский со ссылкой на современных ему американских учёных, в экстатическом состоянии люди распространяют запах фиалки, а одержимые – особый неприятный запах. Католики знают такое явление, как стигматизация, появление ран и язв, вызванное усиленным созерцанием Распятого Христа, православным известно такое явление, как телесное поранение бесами. Иными словами, П. Флоренский говорит нам о том, что тело – это пространство жизнедеятельности духа, дух живёт не в теле, но телом, это его орган и сфера его свободы. С. Пинкер отрицает и дух, и свободу человека, а также любые современные идеи, связанные с тем, что образование, чтение книг, визуальные картинки могут создать или пересоздать в нас нового человека и сформировать нашу оптику.

Но свобода магически появляется в биологизированном мире Пинкера. «У нас, – говорит он, – есть все основания считать, что сознание и мышление порождаются электрохимической активностью нейронных сетей в мозге. Но как движущиеся молекулы могут дать начало субъективным ощущениям (в противоположность разумному расчёту) и как эти ощущения диктуют нам выборы, которые мы делаем свободно (в противоположность поведению, обусловленному какой-то причиной), остаётся непостижимой загадкой для нашей психики, рождённой в плейстоцене» [12, с. 298]. Разум – лишь биологический орган. И как

таковой он в своей комбинаторной безграничности ограничен. Свобода – непостижимая загадка для разума. Она есть для него странная запредельная сущность. Почти как откровение. «Сознание и свобода воли, – продолжает удивлять Пинкер, – похоже, присутствуют в нейробиологических феноменах на каждом уровне и не могут быть отнесены к той или иной комбинации частей или их взаимодействию. Самый тщательный анализ, на который способен наш комбинаторный интеллект, не даёт никаких зацепок, за которые можно было бы ухватиться, чтобы объяснить эти странные сущности...» [12, с. 299]. Но если С. Пинкер ограничил разум и объявил о зоне непостижимого, то тем самым он лишь расчистил путь гипотезам «чистого листа».

Список литературы

1. Бертон Р. Разум VS Мозг. Разговор на разных языках. М.: Эксмо, 2016. 304 с.
2. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. М.: Проспект, 2017. 256 с.
3. Гуревич П.С. Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
4. Гуревич П.С. Разум на приеме у психиатра. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 560 с.
5. Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. М.: Эксмо, 2007. 544 с.
6. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003. 792 с.
7. Косанди М. Нейропластичность. М.: Точка, 2017. 176 с.
8. Кослин С.М., Миллер Дж.У. Два игрока на одном поле мозга. М.: Эксмо, 2016. 256 с.
9. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Азбука, 2010. 288 с.
10. Монич Ю.В. К истокам человеческой коммуникации: ритуализованное поведение и язык. М.: Акад. Гуманит. Исслед., 2005. 443 с.
11. Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ad Marginem' 93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии Российской Академии наук. М.: Ad Marginem, 1994. С. 148–164.
12. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать её сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 608 с.
13. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Либроком, 2009. 456 с.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: АСТ, 2000. 928 с.
15. Сэйтл С., Лиленфельд С.О. Нейромания. Как мы теряем разум в эпоху расцвета науки о мозге. М.: Эксмо, 2016. 368 с.
16. Флоренский П.А., священник. Соч.: в 4 т. Т. 3 (1). М.: Мысль, 1999. 621 с.
17. Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

HOMO COGNOSCENS

Natalia ROSTOVA

Ph.D in Philosophy, Senior lecturer.

Lomonosov Moscow State University.

Lomonosovsky prospect 27/1, Moscow 119991, Russian Federation;

e-mail: Nnrostova@yandex.ru.

S. PINKER ABOUT THE COMPREHENSIBLE AND INCOMPREHENSIBLE IN THE ESSENCE OF MAN

What is the relationship between consciousness and brain? Does the brain determine the work of consciousness? Or, on the contrary, consciousness forces the brain to adapt to its tasks? These questions are keys to the philosophy of consciousness and to the philosophical anthropology. The recently translated into Russian book by Steven Pinker “Blank sheet: the Nature of man. Who and why refuses to recognize it today” [14] presents the original concept of the essence of man. Using the latest data of science, primarily cognitive science, neuroscience, behavioral genetics and evolutionary psychology, Pinker proves that the essence of man lies in the brain and its unique structure. The brain defines the human personality, behavior, inclinations and culture as a whole, which is thought of as a set of technologies. To say that a person is a *tabula rasa*, according to Pinker, is absurd. Man is not the author of himself and not a subject for manipulation by social engineers. Man has a biological nature, which should not be afraid to talk over. Pinker assures us that his thesis will not lead to racism, sexism, genocide, nihilism, terrorism, etc. On the contrary, the appeal to the data of sciences will open for us a community of people as a species, that is hidden behind the differences of “parochial” cultures. However, Pinker’s position is vulnerable, at least in a few points. First, from philosophical discourse about man Pinker moves to scientific, thereby offering initially to talk about man in positivist terms. He reduces consciousness to mind, mind to brain, and brain to computation. Second, Pinker thinks of culture as of a set of technologies that serve the biological task of adaptation. However, he can not explain the redundancy of human technology in relation to the requirements of nature. Third, the theory of modules, which Pinker shares, can be contrasted now with the theory of neuroplasticity, according to which the brain is capable of transformation under the influence of consciousness. Comprehending the essence of man, Pinker leaves room for the unfathomable. This unfathomable is the freedom of man.

Keywords: consciousness, mind, brain, human essence, brain plasticity, humanism, evolution, bioethics, culture, perception

References

1. Burton, Robert A. *Razum VS Mozg. Razgovor na raznykh yazykakh* [Mind VS Brain. Speaking different languages]. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 304 pp. (In Russian)
2. Costandi, M. *Neiroplastichnost'* [Neuroplasticity]. Moscow: Tochka Publ., 2017. 176 pp. (In Russian)
3. Doidge, N. *Plastichnost' mozga. Potryasayushchie fakty o tom, kak mysl' sposobny menyat' strukturu i funktsii nashego mozga* [The plasticity of the brain. Amazing facts about how thoughts can change the structure and functions of our brain]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 544 pp. (In Russian)
4. Florensky, P. *Sochineniya* [Works], Vol. 3 (1). Moscow: Mysl' Publ., 1999. 621 pp. (In Russian)
5. Foucault, M. *Slova i veshchi* [Words and Things]. Moscow: Progress Publ., 1977. 487 pp. (In Russian)
6. Girenok, F. *Autografiya yazyka i soznaniya* [Autography of Language and Consciousness]. Moscow: Moscow St. Industrial Univ. Publ., 2010. 247 pp. (In Russian)
7. Gurevich, P. *Klassicheskaya i neklassicheskaya antropologiya: sravnitel'nyi analiz* [Classical and non-classical anthropology: comparative analysis]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., Petroglif Publ., 2018. 496 pp. (In Russian)
8. Gurevich, P. *Razum na prieme u psikhiatra* [Mind on the couch]. Moscow: Kanon+ Publ., 2019. 560 pp. (In Russian)
9. Kosslyn, Stephen M., Miller, G. Wayne. *Dva igroka na odnom pole mozga* [Two players on the same brain field]. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 256 pp. (In Russian)
10. Kozhev, A. *Vvedenie v chtenie Gegelya* [Introduction to Hegel's reading]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. 792 pp. (In Russian)
11. Mamardashvili, M. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti* [Classical and non-classical ideals of rationality]. Moscow: Azbuka Publ., 2010. 288 pp. (In Russian)
12. Monich, Yu. *K istokam chelovecheskoi kommunikatsii: ritualizovannoe povedenie i yazyk* [To the origins of human communication: ritualized behavior and language]. Moscow: Academy of Humanitarian researches Publ., 2005. 443 pp. (In Russian)
13. Nancy, J.-L. "Segodnya" [Today], *Ad Marginem* 93. *Ezhegodnik* [Ad Marginem 93. Yearbook]. Moscow: Ad Marginem, 1994, pp. 148–165. (In Russian)
14. Pinker, S. *Chisty list: Priroda cheloveka. Kto i pochemu otkazyvaetsya priznavat' ee segodnya* [Blank sheet: the Nature of man. Who and why refuses to recognize it today]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2018. 608 pp. (In Russian)
15. Pinker, S. *Yazyk kak instinkt* [Language as an instinct]. Moscow: Librokom Publ., 2009. 456 pp. (In Russian)
16. Sartre, J.-P. *Bytie i Nichto* [Being and Nothingness]. Moscow: AST Publ., 2000. 928 pp. (In Russian)
17. Satel, Sally, Lilienfeld, Scott O. *Neiromaniya. Kak my teryaem razum v epokhu rastsveta nauki o mozge* [Neuromania. How we lose our minds in the heyday of brain science]. Moscow: Eksmo Publ., 2016. 368 pp. (In Russian)